

УДК 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.20.002

Становление учения о правосознании в трудах славянофилов

М. А. Гусарова

доктор философских наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия.
Россия, г. Краснодар. E-mail: GusarovaTheBest@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска духовных оснований и особенностей понимания феномена правового сознания в учениях выдающихся отечественных представителей славянофильского движения – А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, А. С. Аксакова, К. С. Аксакова, А. И. Кошелева и др. В центре внимания автора находится идея соборности как духовного принципа, выступающего базовым для объяснения оснований феномена правового сознания у славянофилов. В данной работе подчеркивается, что славянофильская идея соборности, предполагающая гармонизацию внутренних мотиваций и внешнего поведения, духовной ценностно-нормативной системы и деятельности специальных институтов, для их реализации не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Автором акцентируется внимание на значимости в условиях приобретающего актуальность интегративного подхода к праву идее славянофилов о правосознании как важном источнике права, на современности идеи о доминировании уникальных черт национального сознания в процессе правопонимания, на необходимости в процессе правовых преобразований в российском обществе апеллирования к традиционным, сформировавшимся под влиянием объективных исторических факторов, духовно-культурным ценностям и установкам таким, как нравственное основание права, естественное преимущество эволюционного пути социальных преобразований, приоритет общего блага над индивидуальной выгодой. Подчеркивается, что в трактовке правосознания, представленной славянофилами, правосознание по сути отождествляется с правопониманием. В статье делается вывод о том, что славянофилы не только заложили философские основания для последующего исследования проблемы правосознания в пространстве правовой науки, но и впервые рассмотрели его в качестве феномена культуры.

Ключевые слова: правосознание, право, правопонимание, славянофилы, соборность, правовое бытие, естественно-правовой подход, исторический подход к праву.

XIX век в истории российской социокультурной и политико-правовой реальности стал временем напряженных интеллектуальных исканий и переосмысления российской духовной элитой места России в мировом сообществе и культуре. Данный процесс был сопряжен с обоснованием поиска наиболее эффективных и адекватных российскому сознанию правовых и политических форм общественного порядка и, как следствие, стимулировал процесс подъема в развитии науки и философского знания в России. В. В. Зеньковский писал, что главным историческим событием, способствовавшим возрождению интереса виднейших умов российской философии к отечественному самосознанию, была Отечественная война 1812 г., в результате которой в российском обществе «новой силой вспыхивает тема русской самобытности ... во имя раскрытия “русской идеи”, “русских начал”, донныне лежавших скрыто в глубинах русского народного духа» [8, с. 129]. Западник В. Г. Белинский, глубоко уважавший точку зрения своих оппонентов, писал о славянофилах, что в этом культурном феномене воплотился «факт, замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии» [4, с. 264]. Известный систематизатор и историк русской философии З. А. Каменский среди факторов, воззвавших к жизни интерес к проблемам русской национальной культуры и духовных оснований политико-правовой жизни в первой половине XIX в., называл общественную задачу отмены крепостного права и в связи с этим – определение роли народа в процессах преобразования российского общества [9, с. 34–35].

Следует признать, что философское наследие славянофилов является в целом достаточно изученным явлением. Вместе с тем отдельные аспекты творчества представителей данного течения требуют теоретической ревизии на современном этапе развития российского общества и государства. Речь идет о формировании в трудах славянофилов представлений о феномене права и правового сознания как явлениях, детерминированных специфическими особенностями национального социокультурного пространства. На наш взгляд, именно бла-

годаря философскому творчеству А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, А. С. Аксакова, К. С. Аксакова, А. И. Кошелева и др., соединивших исторический и естественно-правовой подходы к объяснению сущности правовых явлений, началось глубокое, системное осмысление отдельных элементов правового сознания и их взаимосвязи с остальными социальными феноменами – религией, нравственностью, политикой и т. п. Отечественный правовед И. И. Царьков правильно подмечает, что появление славянофильской теории было вызвано необходимостью создания новой государственной идеологии и новой правовой теории, которые «стимулировали бы не бури и потрясение в обществе, а мир и спокойствие... Идеология просвещения была заменена славянофильством...» [22, с. 309].

Необходимо подчеркнуть, что интерес славянофилов к проблеме правового сознания четко просматривается в размышлениях об общественном разочаровании от результатов петровской и послепетровской государственной политики, направленной на всеобщую европеизацию страны, которая, вопреки ожиданиям его великих инициаторов, еще более углубила социальную поляризацию и усилила антагонизм между высшими слоями и простым народом, чей уклад жизни и мировоззрение остались прежними. В споре с западниками представители славянофильского течения русской философии и общественной мысли XIX в. Предложили эвристичные для своей эпохи идеи об уникальности российской культуры и необходимости собственного пути общественного развития, модусом которых являлись положения об уникальности правового сознания и целесообразности правовой политики государства исходя из его традиционных оснований. Специально оговорим, что термины «правосознание» и «правопонимание» в современном звучании прямо не использовались славянофилами, однако их сущность актуализируется именно в творчестве славянофилов, употреблявших в духе юснатуралистической традиции такие категории, как «чувство законности», «истинная законность», «правовое убеждение», «чувство правды», «справедливость» и т. п. При этом в процессе объяснения сущности названных феноменов правосознание по сути отождествлялось с правопониманием.

Несмотря на разноликость концепций, оставленных после себя славянофилами, объединяющим в учении о праве и правосознании является постулат о духовной взаимосвязи человека и общества, из которой вытекает идея дуализма законов внутренних и внешних. Для описания взаимоскрепляющих связей между членами общества один из выдающихся славянофилов А. С. Хомяков использует понятие соборности, или «единства во множестве», которое не было строго научным, но, будучи заимствованным из религиозно-мистической сферы, выступило базовым для объяснения объединяющего всех духовного начала, благодаря которому члены общества обладают способностью не только мыслить, осознавать, понимать реальность единообразно, но и поступать в соответствии с представлениями об общем благе.

Основываясь на научной лингвистической позиции, согласно которой лексема «сознание» коррелирует с лексемой «совесть», и представляет собой морфемное сочленение этимологической приставки «со» и корня «весть» [23, с. 369]. Эта оригинальная трактовка понятия «сознание» как «совместного знания», «совместного ведания» близка нашей точке зрения. Основываясь на данной трактовке, сознание можно трактовать как «сотрудничающее знание», ведомое единой идеей и целями, а следовательно, предполагающее принцип «единства во множестве», обоснованный А. С. Хомяковым. Исходя из сказанного, правовое сознание можно трактовать как «совместное, сотрудничающее» знание о правовой сфере жизни, ориентирующее членов общества поступать определенным образом.

Применительно к социальной сфере идея соборности у А. С. Хомякова объяснялась как идея всеобщего согласия, единодушия всех членов общества в принятии значимых духовных ценностей на крепкой основе любви к Богу и к ближнему. Современные авторы справедливо отмечают, что мировоззренческая установка славянофилов на целостное восприятие мира не исключает его использования в контексте объяснения феномена права, поскольку любовь как основа соборного общения «выражается в понятиях единодушие, согласие, добровольность, которые вовсе не противоречат содержанию понятия права» [7, с. 94]. Иными словами, принцип соборности, каким его описал А. С. Хомяков, предполагает слитность на основе духовных связей внешней формы – различных норм и институтов, и внутренних оснований бытия человека, выраженных в идеях, представлениях, оценках. Правосознание же выступает одним из способов воплощения, модусом этой целостности, поскольку в сознании субъекта запечатлеваются, рефлексированы, а затем реализуются существующие в обществе представления о праве. Нельзя не отметить, что проблема целостности сознания и комплементарности всех

его форм, остро прозвучавшая у А. С. Хомякова и других славянофилов, восходит к трудам немецких философов-романтистов, в частности, к творчеству Фридриха Шлегеля, который представил духовную личность как целостную структуру, в центре которой находятся и мыслящая, и любящая душа, объединяющая ум, воображение, рассудок и волю. Задача философии, по Ф. Шлегелю, состоит в достижении утраченного единства всех частей души [25, с. 15, 25]. Как представляется, данная идея, трансплантированная в философию славянофилов, и сыграла ключевую роль в качестве аналогии между целостностью личности и общества в философском учении славянофилов.

Отечественный исследователь славянофилов Н. В. Устрялов подчеркивал, что понимание права у славянофилов не рассматривалось как самостоятельная проблема, поскольку «они не признавали за правом специфического *argiōi* и отстаивали этическое *argiōi* права» [8, с. 19]. Аргументом в пользу данного суждения, на наш взгляд, является момент разграничивания славянофилами двух взаимосвязанных сфер «закона» и «внутренней правды», о котором Хомяков писал следующее: «В законе положительном государство определяет, так сказать, постоянно свою среднюю нравственную высоту, ниже которой стоят многие его члены (что доказывается последующим усовершенствованием закона)¹. Такова причина, почему общество не может допустить слишком быстрых скачков в своем развитии. Закон, слишком низкий для него, оскорбляя его нравственность, оставляется без внимания; слишком высокий не понят и остается без исполнения. Между тем каждый Христианин есть в одно и то же время гражданин обоих обществ, совершенного, небесного – Церкви, и несовершенного, земного – Государства. В себе совмещает он обязанности двух областей, неразрывно в нем соединенных, и при правильной внутренней и духовной жизни переносит беспрестанно уроки высшей в низшую, повинуюсь обеим» [21, с. 239–240]. Вышеизложенное суждение подтверждает позицию славянофилов относительно пути достижения христианского идеала соборности, который может быть реализован только в социальном контексте при условии свободной социальной коммуникации всех его членов, в котором «человек или народ сознает святость и величие закона нравственного или духовного, которому подчиняет он свое существование» [18, с. 8].

Столь пространная цитата раскрывает перед нами сразу три грани в проблеме понимания правосознания как социокультурного явления в трактовке А. С. Хомякова. Во-первых, философом подчеркивается, что именно нравственные ценности определяют курс развития правовой реальности; во-вторых, проблема внешнего поведения обнаруживает себя в корреляции с внутренними мотивациями; в-третьих, выбор пути общественного развития должен соотноситься с уровнем сформированности как нравственного, так и правового сознания в обществе, отсюда – приоритет эволюционного пути над революционным.

Из положения о различии закона позитивного, возникающего как ограничение извне, силами природы или других людей, и закона внутреннего, свободного по своей сути, у А. С. Хомякова вытекает идея о различии «законности формальной» и «законности истинной». Законность формальная, по мнению философа, есть лишь «призрак законности», законность же истинная ощущается, «чувствуется» народным духом. О последнем он писал, что это чувство «не принадлежит и не могло принадлежать условным и случайным обществам Запада, лежащим на незаконной основе завоевания» [18, с. 55], таким образом, чувство «истинной законности» является атрибутом российской правовой жизни как признак ее органичности. Данное положение философ проиллюстрировал историческим примером воцарения династии Романовых как проявления свободного выбора и силы народного правосознания исходя из идеальных представлений о правопорядке и правителе.

И. В. Киреевский, так же как и А. С. Хомяков, не оставляет без внимания феномен особенностей восприятия права российским сознанием. Последнее, по мнению И. В. Киреевского, отчетливо просматривается в антитезе основ западноевропейского и российского бытия. Философ отмечает, что слово «право» в его западноевропейском понимании было неизвестно в российской культуре и сводилось исключительно к справедливости и правде. Киреевский категорично заявляет, что «там наклонность права к справедливости внешней – здесь предпочтение внутренней; там юриспруденция стремится к логическому кодексу – здесь, вместо наружной связности формы с формой, ищет она внутренней связи правомерного убеждения с убеждениями веры и быта; там законы исходят искусственно из господствующего мнения –

¹ Данное суждение впоследствии будет заимствовано Вл. Соловьевым в учении о праве как о «минимуме нравственности».

здесь они рождались естественно из быта; там улучшения всегда совершались насильственными переменами – здесь стройным естественным возрастанием...» [12, с. 234]. Иными словами, формы социального общежития, одной из разновидностей которых выступают правовая жизнь, являются исторически обусловленными феноменами, восходящими к традиционным формам социального бытия той или иной общности. И. В. Киреевский подчеркивает, что понятия об индивидуальной свободе и личной независимости в западноевропейском сознании возникли из изолированного образа жизни княжеств и городов, источником права для которых выступал правитель. «Князь или город, внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само по себе дающее законы, – пишет Киреевский. – Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостью, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими и независимыми властями» [10, с. 113]. Польский философ и историк А. В. Валицкий, анализируя идеи Киреевского о западноевропейском индивидуализме, сравнивал данный феномен с явлением майората, описанным К. Марксом, заключающимся в том, что частная собственность как следствие феодализма в Западной Европе становится своеобразной формой поклонения, религией, обретает высший смысл бытия для собственника, чего не произошло в русском обществе, основанном на началах взаимопомощи и солидарной ответственности [5, с. 182–182]. В русском обществе, как подчеркивал Киреевский, осознание целостности сформировалось благодаря отсутствию конкуренции между сословиями, в результате чего «все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинаковой потребностью общего блага... Таким образом, Русское общество выросло самобытно и естественно, под влиянием одного внутреннего убеждения, Церковью и бытовым преданием воспитанного» [12, с. 206]. Общинные отношения и «единство духа», по мнению философа, обусловили высокую значимость нравственно-религиозных ценностей и традиционного уклада жизни в российской правовой сфере. Нельзя не отметить, что принцип внутреннего духовного единства как основы солидарности был успешно трансплантирован И. В. Киреевским из философии немецкого романтиста и теолога Ф. Баадера, раскрывшего принцип любви (в религиозном смысле) как основу истинной социальности [24].

Разделяя взгляды своих соратников, К. С. Аксаков также поддерживал идею соборности (хотя сам этого термина не использовал) и разграничивал законы нравственные, определяющие мотивы и намерения человека, и формально-юридические, регулирующие социальное поведение. Он писал, что «закон нравственный, внутренний, требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный... Закон формальный, или внешний, требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона... Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства» [1, с. 56]. Аналогичную идею можно обнаружить у И. С. Аксакова, который, апеллируя к внутренне присущим индивидуальному и общественному сознанию ценностям как мотивационным силам в жизни и деятельности, отмечал, что «общественный и личный идеал человечества состоит выше всякого совершеннейшего государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней» [1, с. 110]. Иными словами, морально-нравственным регуляторам отводится первостепенная роль по сравнению с формально-правовыми нормами. Философ также отмечал, что «само “право” не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и в идее высшей нравственной справедливости» [1, с. 111].

Другим вектором исследовательского интереса славянофилов являлось критическое отношение к феномену социокультурной рецепции чуждых российскому сознанию ценностей. Свою позицию славянофилы объясняли тем фактом, что любые заимствования, в том числе в правовой сфере, разрушают сложившуюся историческим путем самобытность русского общества. Например, А. С. Хомяков подчеркивал, что российское правовое сознание и правопонимание сформировалось как уникальный феномен под влиянием совокупности традиционных российских культурных ценностей, в том числе утвердившихся с принятием христианства на Руси, которые всегда выступали духовными ориентирами для других народов и обществ. Речь идет о таких добродетелях, как «благородное смирение, кротость, соединенная с крепостью духа, неистощимое терпение, способность к самопожертвованию, правда на общем суде и глубокое почтение к нему, твердость семейных уз и верность преданию – подают всем народам утешительный пример и великий урок, достойный подражания» [21, с. 242]. Идея правды в российском народном правосознании, по мнению А. С. Хомякова, никогда не

была отвлеченной, но всегда соотносилась с чувством любви к ближнему, что позволило сформироваться особому чувству истинной законности и понимания права как «истинного закона», что было неприемлемым для западноевропейских обществ, «лежащим на незаконной основе завоевания» [19, с. 55]. Славянофил А. И. Кошелев в своих воспоминаниях о друге и единомышленнике Хомякове заявлял, что он «пуще всего ненавидел ложь, а именно такой представлялась ему всякая западноевропейская конституция, переложенная на нашу почву» [16, с. 169].

А. С. Хомяков констатировал, что западноевропейские ценности индивидуализма и формализма привели правовую жизнь в состояние «шаткости и раздора», следствием чего стал отрыв европейской науки о праве от общей системы обязанностей, а понятия права, истины, человека – от справедливости и общего блага. Вместе с тем юридическая наука не должна быть оторвана от духовной культуры общества, поскольку она как «наука о нравственных обязанностях, возводящих силу человека в право, не только находится в прямой зависимости от понятия о всемирной истине, будь оно философское или религиозное, но составляет только часть из его общей системы философской или религиозной» [18, с. 15].

Одним из вредоносных последствий европеизации, по мнению славянофилов, явился разрыв между самобытной российской жизнью и идеологией правящих сил, в результате чего произошла замена гармонии и чистой истины «полицейскою симметрией». Именно поэтому славянофилы категорично предостерегали современников от «слепого» заимствования готовых институтов с Запада, поскольку «всякая система, как и всякое учреждение Запада, содержит в себе решение какого-нибудь вопроса, заданного жизнью прежних веков. Перенесение этих систем на новую народную почву небезопасно и редко бывает безвредно» [18, с. 31]. В унисон с А. С. Хомяковым И. В. Киреевский давал негативную оценку европеизации и Петровским реформам как «внешним нововведениям» [18, с. 103], приведшим к искажению процесса социальной эволюции, в результате чего «внешняя форма до сих пор еще находится в противоречии с формой нашей национальной» [11, с. 97].

Славянофилы заявляли, что в результате многочисленных реформ правовое российское сознание оказалось расколотым надвое – на представления об идеальном праве и правовом порядке, присущих правящим силам, и традиционные представления народа о праве как о правде. Киреевский об этом писал, что народные представления о праве существенно отличались по своей сущности от представлений дворянства, поскольку формировались исторически и вытекали из двух источников – «из бытового предания и из внутреннего убеждения, они должны были, в своем духе, в своем составе и в своих применениях, носить характер более внутренней, чем внешней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости – буквальному смыслу формы; святость предания – логическому выводу; нравственность требования – внешней пользе» [12, с. 207]. Далее он подчеркивает, «закон в России <...> сам собою образовался в понятиях народа <...> не разрушая самых существенных условий жизни общества» [12, с. 208]. Данное положение, высказанное И. В. Киреевским, актуально и сегодня в условиях сложнейшей системы законодательства, которую составляют немало неэффективных норм. Как совершенно справедливо постулировал философ, во избежание неэффективности законов и неприятия общественным сознанием, они должны выводиться из реальных общественных правовых отношений, чтобы в законе закрепился уже существующий порядок отношений.

Незадолго до Великих реформ 60-х гг. XIX в. А. И. Кошелев призывал власти непременно обращаться к мнению широких слоев, преимущественно крестьянского населения, в вопросах реформирования правовой сферы. Об этом он писал следующее: «Конституция не даруется, ибо она не должна быть произведением одной только власти <...> государственное уложение должно быть творением общим – Государя и народа, делом времени и местных потребностей <...> если законы соответствуют потребностям народа и в нем укоренились; если общественное мнение сильно и общественная нравственность тверда, то Государь со своими советниками не может посягнуть на независимость граждан и их собственность» [14, с. 30–33].

Созвучно с остальными славянофилами А. И. Кошелев подчеркивает значимость соответствия законов представлениям о должном порядке, укоренившимся в общественном правовом сознании. Ученый пишет, что «мудрый, потребностям народа соответствующий закон и укоренившийся обычай его исполнять приводит в действие волю верховной власти постоянно и при содействии всех граждан» [16, с. 62–63]. Настаивая на важности участия широких слоев населения в правовой жизни страны, Кошелев замечает следующее: «У нас имеется и

вновь издается много законов; большая часть из них отличается благонамеренностью, но вместе с тем почти все они грешат тем, что составлены не для России. Это происходит главнейше от того, что законы изготавливаются у нас бюрократически и рассматриваются у нас людьми официальными... Для отвращения этого неудобства необходимо было бы все проекты законов до внесения их в Государственный совет передавать на рассмотрение людей неофициальных, знающих местные нужды и желание разных краев России и знакомых со способами исполнения законов в действительности» [13, с. 493]. Необходимо отметить, что, в отличие от остальных славянофилов, будучи опытным экономистом и хозяйственником, Кошелев непосредственно наблюдал за развитием российской глубинки и вносил реальные предложения в ее устройство.

В качестве профилактических мероприятий по укреплению духовного единства и борьбы с «расщепленным сознанием» в российском обществе славянофилы предлагали ряд мероприятий, направленных на просвещение всех членов общества. Например, А. С. Хомяков ратовал за внедрение в школах целостного, системного образования, за развитие свободы слова и печати.

Весьма современно звучит мысль А. С. Хомякова о том, что участие граждан в делах государства и распространение общественной правды невозможно без гласности, прежде всего судебной, которая, по мнению философа, «оказывается необходимостью, разумной потребностью нашего времени» [20, с. 325]. «Первым правилом всякого гражданского общества, – пишет по этому вопросу А. С. Хомяков, – должно быть признание человеческой правды как той цели, к которой оно обязано стремиться. Это признание, по необходимости, сопровождается верою в святость, обязательность и силу правды для всех членов общества» [20, с. 331]. Отсюда философ делает вывод, что состояние гражданского законодательства является показателем уровня нравственного сознания: «Закон гражданский есть произведение и показание средней нравственной высоты общества в данную эпоху» [20, с. 334].

Изложенные выше идеи нашли отражение в трудах виднейших философов конца XIX – начала XX вв. – И. А. Ильина, П. И. Новгородцева, Л. И. Петражицкого и др. [6, с. 73–39], которые не только дали собственную оценку последствиям Великих реформ XIX в., актуализировали проблему кризиса правосознания в современном им обществе, но также предприняли попытку определения понятия, структуры и функций правосознания как духовного феномена, реализующегося в правовом пространстве, использованные в качестве теоретической базы для размышления советских философов и обществоведов о правосознании.

Итак, проанализировав идеи разных лет, представленные в творчестве славянофилов, можно констатировать тот факт, что их актуальность в настоящее время не только не исчезла, но, напротив, все больше и яснее открывается современникам в процессе осмысления тех или иных аспектов правового государства и гражданского общества. В условиях выбранного российским государством курса правовой политики, предполагающего верховенство права и свободное участие всех граждан в делах государства, особенно важными являются постулат славянофилов о значимости правосознания как одного из источников права, необходимости развития института гражданского общества, идеи о формировании правильных ценностных оснований, мотиваций и установок субъектов-носителей правового сознания. При этом важно понимать, что правовое сознание не сможет быть сформировано на высоком уровне в условиях отсутствия защищенной и обеспеченной государством системы духовных ценностей. Последние, как справедливо доказывали славянофилы, являются гарантом внутренне свободного правового поведения личности, мотивированной идеей сопричастности к социально-правовому прогрессу, к достижению общественной солидарности в вопросах развития общества и государства, а также позицией личной гражданской активности в социально-правовой жизни.

Как представляется, заслугой славянофилов также является актуализация идеи об уникальности российского правопонимания и правосознания, характеризующихся доминированием морально-нравственных и религиозных оснований и механизмов над формально-юридическими. Данное положение, построенное на идее славянофилов о неприятии искусственно привнесенных и не получивших одобрения в российском общественном сознании отдельных норм, механизмов социального контроля и социальных институтов, свидетельствует о глубоком понимании духовной интеллигенцией первой половины XIX века истинных оснований социальности. Солидаризируясь с позицией славянофилов, можно утверждать, что именно благодаря авторитету морально-нравственных и религиозных ценностей, без которых закон утрачивает «силу внутреннего убеждения и свободного признания» [2, с. 300], правовое со-

знание способно осуществлять функцию социального контроля как на общественном, так и на индивидуальном уровнях. Аргументом данного суждения, по нашему мнению, выступает тот факт, что в современных условиях увеличения количества всевозможных нормативных документов, роста фактической доступности правовой информации, правового образования и самообразования, обусловленных скачком технологического развития, к сожалению, не отмечается роста уровня общественного правосознания и правовой культуры. Таким образом, отстаиваемая славянофилами идея о необходимости соразвития и комплементарности всех форм сознания личности, а вместе с этим – гармоничного соразвития всех ценностно-нормативных систем общества, становится особенно актуальной и своевременной.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь // Наше знамя – русская народность. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
2. Аксаков К. С. Государство и народ : сборник статей. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 602 с.
3. Аксаков К. С. Собрание сочинений : в 3 т. Т. I. : Сочинения исторические. М., 1889. 522 с. URL: <http://read.virmk.ru/A/Aksakov.htm> (дата обращения 08.08.2019).
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 10. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 474 с.
5. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
6. Гусарова М. А. Концепции правосознания в философско-правовой мысли России (на примере взглядов П. И. Новгородцева, И. А. Ильина и Л. И. Петражицкого) // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 2. С. 73–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19098885> (дата обращения: 04.02.2020).
7. Днепровская И. В., Засухина В. Н. Соборность как принцип правовой организации общества в философии славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Ч. 1. 2012. № 6 (20) С. 93–99. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/22.html>.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. М. : Академический Проект ; Раритет, 2001. 880 с.
9. Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения (деистическо-материалистическая школа). М. : Мысль, 1971. 395 с.
10. Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Полное собрание сочинений : в 2 т. Т. I / под ред. М. Гершензона. М. : Типография Императорского Московского университета, 1911 [репринт. копия]. С. 109–121.
11. Киреевский И. В. Деятельный век // Полное собрание сочинений : в 2 т. Т. I / под ред. М. Гершензона. М. : Типография Императорского Московского университета, 1911 [репринт. копия]. С. 85–109.
12. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России (Письмо к гр. Е. Е. Комаровскому) / И. В. Комаровский // Полное собрание сочинений : в 2 т. Т. I / под ред. М. Гершензона. М. : Типография Императорского Московского университета, 1911 [репринт. копия]. С. 74–222.
13. Кошелев А. И. В чем мы более всего нуждаемся? / А. И. Кошелев // Самодержавие и Земская дума / сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 847 с.
14. Кошелев А. И. Как можно подать голос против конституции и за самодержавие! / А. И. Кошелев // Самодержавие и Земская дума / сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 847 с.
15. Кошелев А. И. Мои воспоминания о А. С. Хомякове / А. И. Кошелев // Самодержавие и Земская дума / сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 847 с.
16. Кошелев А. И. О самодержавии / А. И. Кошелев // Самодержавие и Земская дума / сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 847 с.
17. Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов (Идея самодержавия в славянофильской постановке) // Известия юридического факультета. Харбин, 1925. Т. I. С. 47–74.
18. Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений : в 8 т. Т. I. М., 1900. Изд. 3-е, доп. 417 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (дата обращения: 04.02.2020).
19. Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах // Полное собрание сочинений : в 8 т. Т. I. М., 1900. Изд. 3-е, доп. 417 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (дата обращения: 04.02.2020).
20. Хомяков А. С. О юридических вопросах // Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 1. М., 1900. Изд. 3-е, доп. С. 323–338. URL: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (дата обращения: 04.02.2020).
21. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Полное собрание сочинений : в 8 т. Т. I. М., 1900. Изд-е 3, доп. 417 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (дата обращения: 04.02.2020).

22. Царьков И. И. Развитие правовопонимания в европейской традиции права. СПб. : Пресс, 2006. 346 с.
23. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб. : Полиграфсервис, 2005. 432 с.
24. Baader F. Gesellschaftslehre. Mnch., 1957.
25. Schlegel F. Philosophie des Lebens. Wien, 1828.

Formation of the doctrine of legal consciousness in the works of Slavophiles

M. A. Gusarova

Doctor of philosophy, professor of the Department of general theoretical legal disciplines,
North Caucasus branch of the Russian State University of justice.
Russia, Krasnodar. E-mail: GusarovaTheBest@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of searching for spiritual foundations and features of understanding the phenomenon of legal consciousness in the teachings of prominent Russian representatives of the Slavophil movement A. S. Homyakov, I. V. Kireevsky, A. S. Aksakov, K. S. Aksakov, A. I. Koshelev and others. The author focuses on the idea of conciliarity as a spiritual principle, which serves as the basis for explaining the foundations of the phenomenon of legal consciousness among Slavophiles. This paper emphasizes that the Slavophil idea of conciliarity, which implies the harmonization of internal motivations and external behavior, the spiritual value-normative system and the activities of special institutions, for their implementation has not lost its relevance at the present time. The author focuses on the importance of purchasing in terms of the relevance of an integrative approach to the right idea of Slavophiles about the sense of justice as an important source of law, the modern idea of the dominance of the unique features of national consciousness in the process of law, for necessary legal reforms in the Russian society, appealing to traditional, formed under the influence of objective historical factors, spiritual and cultural values and attitudes such as moral law, the natural advantage of the evolutionary path of social transformation, the priority of the common good over individual benefit. It is emphasized that in the interpretation of legal consciousness presented by Slavophiles, legal consciousness is essentially identified with the legal understanding. The article concludes that the Slavophiles not only laid the philosophical foundations for the subsequent study of the problem of legal consciousness in the space of legal science, but also for the first time considered it as a cultural phenomenon.

Keywords: legal awareness, law, legal understanding, Slavophiles, conciliarity, legal existence, natural-legal approach, historical approach to law.

References

1. Aksakov I. S. *Doktrina i organicheskaya zhizn'* [Doctrine and organic life] // *Nashe Znamya – Russkaya narodnost* – Our banner – Russian nationality. M. Institute of Russian civilization. 2008.
2. Aksakov K. S. *Gosudarstvo i narod : sbornik statej* [State and people : collection of articles]. M. Institute of Russian civilization. 2009. 602 p.
3. Aksakov K. S. *Sobranie sochinenij : v 3 t. T. I. Sochineniya istoricheskie* [Collected works : in 3 vols. Vol. I. Historical works]. M. 1889. 522 p. Available at: <http://read.virmkr.ru/A/Aksakov.htm> (date accessed: 08.08.2019).
4. *Belinskij V. G. Poln. sobr. soch. : v 13 t. T. 10* [Complete works : in 13 vols. Vol. 10]. M. Academy of Sciences of the USSR. 1959. 474 p.
5. *Valickij A. V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism]. M. Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. 704 p.
6. *Gusarova M. A. Konceptii pravosoznaniya v filosofsko-pravovoj mysli Rossii (na primere vzglyadov P. I. Novgorodtseva, I. A. Il'ina i L. I. Petrazhickogo)* [Concepts of legal consciousness in the philosophical and legal thought of Russia (on the example of the views of P. I. Novgorodtsev, I. A. Ilyin and L. I. Petrazhitsky)] // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* – Society: politics, economics, law. 2013. No. 2. Pp. 73–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19098885> (date accessed: 04.02.2020).
7. *Dneprovskaya I. V., Zasukhina V. N. Sobornost' kak princip pravovoj organizacii obshchestva v filosofii slavyanofilov* [Conciliarity as a principle of legal organization of society in the philosophy of Slavophiles] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2 ch. Ch. 1* – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Studies. Questions of theory and practice : in 2 parts. Part 1. 2012. No. 6 (20) Pp. 93–99. Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/22.html>.
8. *Zen'kovskij V. V. Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian philosophy]. M. Academich. Project; Raritet. 2001. 880 p.

9. Kamenskij Z. A. *Filosofskie idei russkogo prosveshcheniya (deisticheskoye-materialisticheskaya shkola)* [Philosophical ideas of the Russian enlightenment (deistic-materialistic school)]. M. Mysl'. 1971. 395 p.
10. Kireevskij I. V. *V otvet A. S. Homyakovu* [In response to A. S. Homyakov] // *Polnoe sobranie sochinenij : v 2 t. T. I* – Complete works : in 2 vols. Vol. I / ed. by M. Gershenson. M. Imperial Moscow University. 1911 [reprint. copy]. Pp. 109–121.
11. Kireevskij I. V. *Devyatnadcatyj vek* [The nineteenth century] // *Polnoe sobranie sochinenij : v 2 t. T. I* – Complete works : in 2 vols. Vol. I / ed. by M. Gershenson. M. Imperial Moscow University. 1911 [reprint. copy]. Pp. 85–109.
12. Kireevskij I. V. *O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu v Rossii (Pis'mo k gr. E. E. Komarovskomu)* [On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment in Russia (Letter to the gr. E. E. Komarovsky)] / I. V. Komarovskiy // *Polnoe sobranie sochinenij : v 2 t. T. I* – Complete works : in 2 vols. Vol. I / ed. by M. Gershenson. M. Imperial Moscow University. 1911 [reprint. copy]. Pp. 74–222.
13. Koshelev A. I. *V chem my bolee vsego nuzhdaemsya?* [What are we most in need of?] / A. I. Koshelev // *Samoderzhavie i Zemskaya дума – Autocracy and the Zemstvo Duma* / comp., preface, comment. Yu. V. Klimakov; ed. O. A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2011. 847 p.
14. Koshelev A. I. *Kak možno podat' golos protiv konstitucii i za samoderzhavie!* [How can I cast a vote against the Constitution and for autocracy!] / A. I. Koshelev // *Samoderzhavie i Zemskaya дума – Autocracy and the Zemstvo Duma* / comp., preface, comment. Yu. V. Klimakov; ed. O. A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2011. 847 p.
15. Koshelev A. I. *Moi vospominaniya o A. S. Homyakove* [My memories of A. S. Homyakov] / A. I. Koshelev // *Samoderzhavie i Zemskaya дума – Autocracy and the Zemstvo Duma* / comp., preface, comment. Yu. V. Klimakov; ed. O. A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2011. 847 p.
16. Koshelev A. I. *O samoderzhavii* [About autocracy] / A. I. Koshelev // *Samoderzhavie i Zemskaya дума – Autocracy and the Zemstvo Duma* / comp., preface, comment. Yu. V. Klimakov; ed. O. A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2011. 847 p.
17. Ustryalov N. V. *Politicheskaya doktrina slavyanofilov (Ideya samoderzhaviya v slavyanofil'skoj postanovke)* [Political doctrine of the Slavophiles (The idea of autocracy in the Slavophil setting)] // *Izvestiya yuridicheskogo fakul'teta* – News of the faculty of law. Harbin. 1925. Vol. I. Pp. 47–74.
18. Homyakov A. S. *Mnenie inostrancev o Rossii* [Opinion of foreigners about Russia] // *Polnoe sobranie sochinenij : v 8 t. T. I* – Complete works : in 8 vols. Vol. I. M. 1900. Ed. 3d, add. 417 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (date accessed: 04.02.2020).
19. Homyakov A. S. *Mnenie russkih ob inostrancah* [Opinion of Russians about foreigners] // *Polnoe sobranie sochinenij : v 8 t. T. I* – Complete works : in 8 vols. Vol. I. M. 1900. Ed. 3d, add. 417 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (date accessed: 04.02.2020).
20. Homyakov A. S. *O yuridicheskikh voprosah* [On legal issues] // *Poln. sobr. soch. : v 8 t. T. 1* – Complete works : in 8 vols. Vol. 1. M. 1900. Ed. 3d, add. Pp. 323–338. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (date accessed: 04.02.2020).
21. Homyakov A. S. *Po povodu stat'i I. V. Kireevskogo "O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii"* [About the article by I. V. Kireevskiy "On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia"] // *Polnoe sobranie sochinenij : v 8 t. T. I* – Complete works : in 8 vols. Ed. 3d, add. 417 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3560/18631> (date accessed: 04.02.2020).
22. Car'kov I. I. *Razvitie pravoponimaniya v evropejskoj tradicii prava* [Development of legal understanding in the European tradition of law]. Saint-Petersburg. Law center Press. 2006. 346 p.
23. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* – Etymological dictionary of the Russian language / comp. G. A. Krylov. SPb. Polygraph services. 2005. 432 p.
24. Baader F. *Gesellschaftslehre*. Mnch., 1957.
25. Schlegel F. *Philosophie des Lebens*. Wien, 1828.